

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА «ДВОЙНОГО» ЭКСПЕРИМЕНТА: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

В статье в сопоставительном плане анализируются количественные результаты (психо)лингвистического эксперимента по заполнению лакун видовременными формами (ВВГФ) испанского и русского глагола. Поскольку материал эксперимента представляет собой параллельный корпус фрагментов художественных текстов, рассматривается обусловленность выбора информантами ВВГФ идентичным контекстом. Также сопоставляется стратегия выбора русской ВВГФ информантом в условиях работы исключительно с русским текстом, с одной стороны, и в условиях обращения к испанскому оригиналу, т. е. при решении переводческой задачи – с другой. Проведенный компаративно-количественный анализ полученного материала выявил в решениях информантов–носителей испанского и русского языков наличие идентичной односторонней корреляции между низкой степенью «угадывания» информантами авторской ВВГФ и «неминимальным» количеством комбинаций, предложенных для заполнения лакуны ВВГФ.

Ключевые слова: компаративное исследование, (психо)лингвистический эксперимент, корпус параллельных текстов, видо-временная форма, контекст, корреляция.

E. Gorbova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF A «DOUBLE» LINGUISTIC EXPERIMENT: QUANTITATIVE ASPECT

This paper deals with a comparative analysis of the quantitative results of a (psycho)linguistic experiment in which Spanish and Russian informants were asked to indicate (one or more if possible) verbal forms (VF) they considered acceptable in given contexts. Since the experiment material is a parallel corpus of literary fragments, the dependence of the informants' choice of VFs on the identical context is examined. Besides, the strategy of Russian VF choice based on the Russian text only is compared with that based on both the Spanish original and the Russian translation (that is while solving the translator's problem). The comparative-statistical analysis of the obtained material reveals an identical one-to-one correlation between the low degrees of the informants' «direct hits» of the author's VF and the “non-minimal” number of the combinations to fill the gaps in the Russian-speaking and Spanish-speaking informant's solutions.

Keywords: comparative analysis, (psycho)linguistic experiment, parallel corpus, verbal form, context, correlation.

1. Вводные замечания. Материалом предлагаемого исследования послужил эксперимент, проведенный в два этапа. Информантами первого этапа явились 49 носителей испанского языка – студенты-филологи Гранадского университета (Гранада, Испания), а второго – 45 носителей русского языка – студенты-филологи СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия). Им было предложено указать (одну или более чем

одну из предложенных) приемлемую, с их точки зрения, в данном контексте видо-временную глагольную форму (ВВГФ). Материалом (в испанской версии) послужили 40 фрагментов из испаноязычных художественных текстов середины – второй половины XX века, в русской версии – перевод на РЯ этих фрагментов.

Приведем фрагменты анкет (испанской и русской), с которыми работали информанты:

<i>Испанский язык (ИЯ)</i>	<i>Русский язык (РЯ)</i>
«Aquella mañana me asomé a su habitación y vi que (<i>ha guardado, ha estado guardando, guardó, estuvo guardando, guardaba, estaba guardando, había guardado, había estado guardando</i>) sus cosas en la misma maleta que había traído de la cárcel», dijo Manuel.	«Тем утром я заглянул в его комнату и увидел, что он (<i>укладывал, уложил, укладывает</i>) свои вещи в тот же самый чемодан, с которым пришел из тюрьмы», – сказал Мануэль.

Основными направлениями предлагаемого компаративного исследования на материале описанного выше эксперимента являются следующие. Во-первых, дается общая статистическая характеристика по одной (испанской) и другой (русской) версии эксперимента и их сравнение. Во-вторых, анализируется обусловленность выбора ВВГФ носителями испанского и русского языков контекстом, т. е., другими словами, степень влияния контекста на этот выбор. В-третьих, представляют интерес взаимные соответствия ВВГФ в одинаковом (с точностью до различия в сигнификатах использованных в параллельных текстах языковых единиц, описывающих одну и ту же денотативную ситуацию) окружении. Эти вопросы будут (частично) рассмотрены ниже (см. п. 3, а также, более подробно относительно третьего вопроса – работы [1; 2]). Но начать следует с обсуждения принципов выбора той ВВГФ, которая в русской версии эксперимента будет служить соответствием авторской форме в его испанской версии.

2. Русская ВВГФ, соответствующая испанской авторской ВВГФ. Начнем с небольшой проблемы, с которой пришлось

столкнуться при подготовке к сравнительному анализу испанской и русской версий эксперимента. Дело в том, что при анализе русской версии возникла специфическая проблема: что считать точкой отсчета при анализе выбора информанта? В испанской (оригинальной) версии такой точкой отсчета являлась авторская форма, т. е. та ВВГФ, которая была употреблена в данном фрагменте текста его автором. В переводной русской версии об авторской форме в прямом смысле слова говорить уже не приходится, ее ближайшим подобием должна быть «переводческая форма», т. е. видо-временной эквивалент, избранный переводчиком. Однако в условиях наличия весьма существенных различий в структурах соответствующих глагольных подсистем испанского и русского языков* в некоторых случаях переводчик также испытывает затруднения с однозначным выбором русской ВВГФ. Поэтому было принято решение провести дополнительный эксперимент, направленный на определение переводческой формы для русской части, которая в дальнейшем будет играть ту же роль, что и авторская форма в испанской части эксперимента.

В этом дополнительном эксперименте участвовал дипломированный испанист-переводчик. Вначале ему было предложено то же задание, что и остальным участникам русской версии эксперимента. Приведем фрагмент анкеты:

• Хосефино открыл рот, но ничего не сказал. Несколько секунд он (моргал, поморгал, моргает), со смущенной и апатичной улыбкой, кривившей

все его лицо. Потом мягкими движениями начал потирать руки.

На следующем этапе (по истечении двух недель) информант получил в свое распоряжение не только русскую, но и испанскую часть, причем с авторскими формами, т. е. на этом этапе выполнялась чисто переводческая работа относительно глагольных форм. Опять же для иллюстрации приведем фрагмент задания:

<p>Josefino abrió la boca pero no habló; <i>estuvo pestañeando</i> (Progr.Aor.) unos segundos, con una sonrisa perpleja y apática que fruncía todo su rostro. Comenzó a frotarse las manos, suavemente.</p>	<p>Хосефино открыл рот, но ничего не сказал. Несколько секунд он (<i>моргал, поморгал, моргает</i>), со смущенной и апатичной улыбкой, кривившей все его лицо. Потом мягкими движениями начал потирать руки.</p>
---	--

Полученные таким образом две версии выбора русских ВВГФ одним и тем же человеком, но в различных условиях были подвергнуты сравнительному анализу.

Получены следующие результаты. В значительной части случаев, составляющей 40,5% (17 случаев из 42), результаты выбора нашим информантом русской ВВГФ без опоры на оригинальный текст и с опорой на него полностью совпали. В этих случаях мы, таким образом, получаем эквивалент испанской авторской ВВГФ, который также будем (несколько условно) считать авторским.

В 50% случаев (21 из 42) наблюдалась корректировка выбора русской ВВГФ после обращения к тексту оригинала. В соответствующих фрагментах текстов за соответствие испанской авторской форме в русском тексте будет приниматься та ВВГФ, которая была помечена как первый вариант при осуществлении выбора с опорой на испанский оригинал.

В последней – самой немногочисленной группе случаев (4 из 42, т. е. 9,5%) – при наличии одного первого варианта выбора ВВГФ принимается решение, аналогичное принятому относительно предыдущей группы. В случае же наличия более одного первого варианта (либо моего неполного согласия с принятым решением) осуществ-

ляется дополнительный анализ альтернативных вариантов, в ходе которого и устанавливается русский эквивалент авторской испанской ВВГФ.

Отмечу также, что при осуществлении выбора русской ВВГФ с опорой на испанский оригинал наблюдалась тенденция снижения количества предлагаемых в качестве приемлемых вариантов. Этот вывод следует из следующих подсчетов: при первоначальном выполнении задания (без испанского оригинала) второй вариант выбора ВВГФ был предложен в 21 случае, третий вариант – в трех случаях, два претендента на первое место имелось в восьми случаях, двойные претенденты на второе место отсутствовали. При повторном осуществлении выбора русской ВВГФ (с опорой на испанский оригинал) картина получилась несколько иная: второй вариант выбора ВВГФ был реализован всего в трех случаях, третий вариант не был использован вовсе, два претендента на первое место имелось в четырех случаях и один раз были представлены два претендента на второе место.

Естественно, выявленная тенденция является ожидаемой. Однако сохранение некоторого количества случаев неоднозначности выбора русской ВВГФ в переводе нуждаются, как представляется, в отдельном анализе, поскольку можно предполо-

жить, что в случаях такого рода присутствуют некоторые системно обусловленные проблемы в подборе русского переводного эквивалента испанской ВВГФ.

2. Степень вариативности выбора ВВГФ в испанской и русской версиях эксперимента: сравнительный анализ. На первый взгляд проведение компаративного анализа материала эксперимента, реализованного в двух версиях (испанской и русской) в приблизительно аналогичных условиях (предлагаемый материал, по сути, является корпусом параллельных текстов, группы информантов были практически одинаковы и по количеству, и по возрасту, и по социально-профессиональным характеристикам), не должно вызывать серьезных затруднений. Тем не менее существенно различное строение аспектуально-темпоральной зоны двух сопоставляемых языков – одна аспектуальная и одна темпоральная оппозиция в РЯ и три аспектуальных оппозиции при той же одной темпоральной в ИЯ – само по себе создает определенные проблемы при анализе материала эксперимента. Прежде всего речь идет о том, что если в русской версии эксперимента теоретически возможное количество комбинаций** видо-временных глагольных форм*** при трех предложенных для выбора информантам ВВГФ равняется 7 ($2^3 - 1$, поскольку исключается нулевой выбор), а при четырех предложенных ВВГФ это количество равняется 15 ($2^4 - 1$), то в испанской версии теоретически возможное количество комбинаций при восьми заданных для заполнения каждой лакуны ВВГФ будет равняться 255 ($2^8 - 1$).

В таких условиях имеет смысл оперировать для реализации сравнительного анализа только относительными цифрами. Однако даже при сравнении относительных цифр общая картина в рамках испанской версии эксперимента (более ранней по времени проведения и оригинальной по материалу) и соответствующая общая картина в русской версии существенно различаются.

Отметим некоторые небезыңтересные моменты.

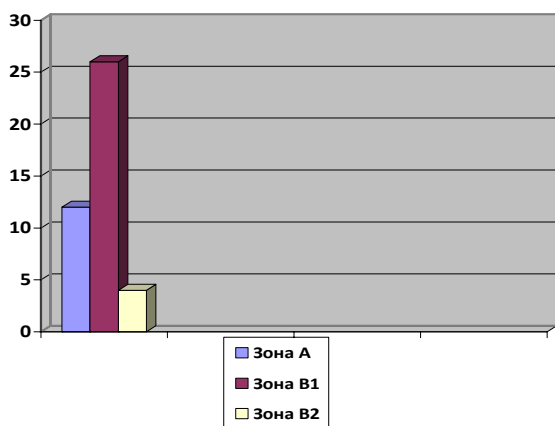
Во-первых, только в русской версии наблюдалось отсутствие комбинаций (в общепринятом смысле этого слова) ВВГФ (результат – «одна комбинация»), что означает безальтернативный выбор всеми информантами одной и той же ВВГФ в рамках предложенного контекста. При этом количество комбинаций в русской версии эксперимента варьировалось от одной до семи, т. е. от 14% до 100% при трех предлагаемых для выбора ВВГФ и от 7% до 47% при четырех ВВГФ. Заметим, что здесь и далее в тексте статьи для краткости используется также наименование «комбинация» в расширенном относительно словарного толкования этого слова смысле, а именно с включением в комбинации и одиночных ВВГФ. По сути, то, что здесь называется комбинацией в оговоренном смысле, соответствует понятию «количество подмножеств множества из n элементов».

В испанской версии эксперимента результат с количеством комбинаций «одна» зафиксирован не был, при этом минимальное количество предложенных информантами комбинаций равнялось трем (что составляет 1,18% от теоретически возможного количества), а максимальное – 31 (12,16%). То есть в испанской версии имеется диапазон реализованной вариативности выбора от 1,18% до 12,16% (от теоретически возможного), а в русской версии – или от 14% до 100% (при трех предложенных ВВГФ, что составляло большинство) или от 7% до 47% (при четырех ВВГФ; подобный выбор был предложен для заполнения всего двух лакун из общего количества в 42). Полученный количественный диапазон предложенных информантами комбинаций был (довольно условно) разделен на две зоны с дальнейшим делением внутри второй:

- Зона А: минимальное количество комбинаций (≤ 8 , или $\leq 3,2\%$ от теоретически возможного количества комбинаций) – 12 случаев (29%);

• Зона В: неминимальное количество комбинаций (≥ 9 , или $\geq 3,5\%$ от теоретически возможного количества комбинаций) – 30 случаев (71%); из них: В₁ – в диапазоне от 9 до 17 предложенных комбинаций – 26 случаев (87%), В₂ – в диапазоне от 19 до 31 комбинации – 4 случая (13%).

Вариативность ВВГФ в испанской версии эксперимента выглядит следующим образом (см. рис.):

Как следует из рисунка, наибольшей частотностью характеризовались случаи вариативного выбора информантами ВВГФ с комбинациями, количество которых варьировалось от 9 до 17 (зона В₁), а наименьшей – случаи предъявления комбинаций ВВГФ, количество которых варьировалось от 19 до 31 (зона В₂). Отметим также, что наиболее часто встречающимся явилось следующее количество комбинаций: 10 (зафиксировано в 10 случаях), 6 (зафиксировано в семи случаях), 13 (зафиксировано в четырех случаях), 12 и 14 (зафиксировано в трех случаях каждое), 9 и 17 (в двух случаях каждое). Оставшиеся количественные показатели зафиксиро-

ванных в анкетах комбинаций (3, 4, 5, 7, 8, 15, 16, 19, 22, 24 и 31) являются единичными. Мода в данном распределении равняется 10, медиана – 12,5, среднее – 13.

Таким образом, можно констатировать существенное различие в реализованных диапазонах вариативности выбора ВВГФ в испанской и русской версиях эксперимента, причем при их измерении как в абсолютных, так и в относительных величинах.

Во-вторых, следует отметить еще одно любопытное различие между результатами испанской и русской версий эксперимента. В испанской версии была зафиксирована ситуация абсолютного «неугадывания» информантами авторской формы – в том смысле, что авторская форма вообще не была упомянута в качестве возможной (не единственно возможной, а хотя бы одной из возможных). Такая ситуация, именуемая в дальнейшем отсутствием авторской формы, была отмечена в двух лакунах из 42, т. е. в 4,8%. В русской версии подобный результат не был реализован.

Суммируя указанные различия в общей картине, мы получаем следующее: русская версия эксперимента продемонстрировала два полярных результата – единодушный выбор информантами той ВВГФ, которая выше – в разделе 0 – была условно обозначена как авторская (что соответствует одной комбинации в ответах) и 100% использования комбинаторных возможностей (семь из семи теоретически возможных). Испанская версия также дает нам полярный результат, но отличный от упомянутых – абсолютное «неугадывание» авторской формы информантами (ситуация, обозначенная как отсутствие авторской формы).

Приведенные выше обобщения, основанные на анализе данных, представлены в полном объеме в таблице.

Компаративный анализ материала «двойного» эксперимента...

Сопоставительные данные по испанской и русской версиям эксперимента
(место авторской формы и количество реализованных комбинаций)

Номер фрагмента в анкете	ИЯ		РЯ	
	Место авторской формы	Кол-во комбинаций	Место авторской формы	Кол-во комбинаций
1	II	10 (3,9%)	I	1 (14,28%)
2	III	22 (8,6%)	I	4 (57,14%)
3	II	13 (5,09%)	I	1 (14,28%)
4	III/IV/V	31 (12,15%)	I	4 (57,14%)
5	III	12 (4,7%)	II	4 (57,14%)
6	I	17 (6,66%)	I	3° (20%)
7	I/II	24 (9,4%)	I	1 (14,28%)
8	I	13 (5,09%)	I	5 (71,42%)
9	I	12 (4,71%)	I (II) ^{oo}	3 (42,85%)
10	III	9 (3,52%)	I	4 (57,14%)
11	I	12 (4,71%)	I	3 (42,85%)
12	I	19 (7,45%)	I	3 (42,85%)
13	II	14 (5,49%)	I	3 (42,85%)
14	II	16 (6,27%)	I (III) ^{oo}	7 (100%)
15	I	10 (3,92%)	I	3 (42,85%)
16	I	9 (3,53%)	I	4 (57,14%)
17	I	17 (6,66%)	I	5 (71,42%)
18	III	6 (2,35%)	I	3 (42,85%)
19	III	5 (1,96%)	I (II) ^{oo}	3 (42,85%)
20	отсутствует	10 (3,92%)	II	6 (85,71%)
21	III	14 (5,49%)	I	4 (57,14%)
22	II	14 (5,49%)	I	5 (71,42%)
23	III/IV	15 (5,88%)	I	3 (42,85%)
24	II	8 (3,14%)	I	3 (42,85%)
25	I	10 (3,92%)	I	4 (57,14%)
26	II	10 (3,92%)	II (I) ^{oo}	3 (42,85%)
27	I	10 (3,92%)	I	6 (85,71%)
28	I	4 (1,57%)	I	5 (71,42%)
29	I/II	13 (5,09%)	I	3 (42,85%)
30	отсутствует	10 (3,92%)	II (I) ^{oo}	6 (85,71%)
31	I	3 (1,17%)	I	4 (57,14%)
32a	II	7 (2,75%)	III (I/II) ^{oo}	7 (100%)
32b	I/II	6 (2,35%)	I	6 (85,71%)
33a	I	6 (2,35%)	I	3° (20%)
33b	I	10 (3,92%)	I ^{ooo}	1 ^{ooo} (50%)
34	I	6 (2,35%)	I	6 (85,71%)
35	II	6 (2,35%)	I	5 (71,42%)
36	I	6 (2,35%)	I	5 (71,42%)
37	I	10 (3,92%)	I	4 (57,14%)
38	I	13 (5,09%)	I	6 (85,71%)
39	V/VI/VII/VIII/IX/X	10 (3,92%)	I	6 (85,71%)
40	I	6 (2,35%)	I	3 (42,85%)

Примечание: Имеется в виду место авторской ВВГФ в рейтинге предложенных информантами ВВГФ по количеству случаев их выбора: 1 место – наибольшее число случаев выбора.

Обозначения: Знаком \circ обозначены случаи с наличием четырех (а не трех) ВВГФ, предложенных информантам для заполнения лакуны в русской версии эксперимента; знаком $\circ\circ$ обозначены те случаи, в которых разошлись мнения информанта-испаниста и автора данной статьи по поводу предпочтительности той или иной русской ВВГФ в качестве переводного эквивалента авторской испанской ВВГФ. Соответственно здесь отражены колебания по поводу оценки места «авторской» формы в русской версии эксперимента; знаком $\circ\circ\circ$ обозначен единственный случай, где для заполнения лакуны предлагалось две ВВГФ.

Следующим шагом в компаративном представлении результатов двух версий описываемого эксперимента может явиться, как представляется, анализ наличия корреляции между двумя характеристиками: степенью вариативности (количеством предъявленных комбинаций ВВГФ) и степенью «угадывания» информантами авторской ВВГФ (местом авторской формы). Начнем (предварительное) раздельное представление этих результатов русской версии эксперимента как характеризуемой меньшей вариативностью выбора ВВГФ, продемонстрированной информантами.

Условимся считать минимальным количеством комбинаций ВВГФ значения от одного до двух, а неминимальным – от трех до семи (напомню, что диапазон количественно представленной вариативности в русской версии эксперимента – от одного до семи). Мода в этом распределении равняется 3, медиана – 7,5, а среднее – 7. Тогда:

а) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций и авторская форма на I месте – четыре случая, т.е. 9,52% (за 100% принято общее количество предложенных информантам для заполнения лакун – 42);

б) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций и авторская форма на I месте – 33 случая, т.е. 78,57%;

с) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций и авторская форма на II месте – не зафиксировано, т.е. 0%;

д) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций и авторская форма на II месте – четыре случая, т.е. 9,52%;

е) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций и авторская форма на III месте – не зафиксировано, т.е. 0%;

ф) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций и авторская форма на III месте – один случай, т.е. 2,38%.

Общий вывод сводится к тому, что можно усмотреть признаки наличия односторонней корреляции между указанными параметрами: при низкой степени «угадывания» авторской ВВГФ (авторская форма на III или II месте) наличествует неминимальное количество зафиксированных комбинаций ВВГФ (от трех до семи), см. пункты «f» и «d» из приведенного выше перечня. Однако мы не можем сказать, что при неминимальном количестве комбинаций наличествует низкая степень «угадывания» авторской ВВГФ, поскольку при таком значении параметра количества комбинаций в 33 случаях зафиксирована высокая степень «угадывания» информантами авторской ВВГФ (авторская форма на I месте), см. пункт «b».

Для испанской версии эксперимента применим уже использовавшееся выше деление диапазона зафиксированных комбинаций ВВГФ на три зоны:

зону А: минимальное количество комбинаций (≤ 8) и

зону В: неминимальное количество комбинаций (≥ 9) с двумя подзонами: В₁ – в диапазоне от 9 до 17 предложенных комбинаций и В₂ – в диапазоне от 19 до 31 комбинации (18 комбинаций ВВГФ не было зафиксировано).

Тогда можно видеть следующее соотношение между анализируемыми параметрами (в перечень значений параметра «место авторской формы» необходимо добавить значение «авторская форма отсутствует»):

а) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций (зона А) и автор-

ская форма на I месте (или делит I и II место) – семь случаев (16,66%; за 100% принято 42);

b) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций (зона B) и авторская форма на I месте (или делит I и II место) – 15 случаев (35,72%), из них в зоне B₁ – 13 случаев, в зоне B₂ – два случая;

c) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций (зона A) и авторская форма на II месте – три случая (7,14%);

d) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций (зона B) и авторская форма на II месте – шесть случаев (14,28%);

e) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций (зона A) и авторская форма на III (и далее) месте – два случая (4,76%);

f) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций (зона B) и авторская форма на III (и далее) месте – семь случаев (16,66%);

g) сочетание параметров – минимальное количество комбинаций (зона A) и авторская форма отсутствует – не зафиксировано, т. е. 0 случаев;

h) сочетание параметров – неминимальное количество комбинаций (зона B, подзона B₁) и авторская форма отсутствует – два случая (4,76%).

Здесь имеется односторонняя корреляция между отсутствием авторской формы (сто процентным «неугадыванием») и неминимальным количеством предложенных комбинаций, см. пункты «h» и «g»: при отсутствии авторской формы среди предложенных информантами комбинаций ВВГФ фиксируется неминимальное количество предложенных комбинаций. Однако наличие неминимального количества предложенных комбинаций ВВГФ не влечет за собой отсутствие авторской формы, см. пункты «b» и «d».

Характерно также отсутствие корреляции параметров степени «угадывания» ав-

торской формы информантами (авторская форма на I месте или делит I и II место) и низкой вариативности (минимальное количество комбинаций). Оба значения этих параметров имеются в семи случаях (пункт «a»), а отсутствуют в 15 случаях (пункт «b») и еще в 5 случаях авторская форма не находится на I месте при минимальном количестве предложенных комбинаций (в сумме пункты «с» и «е»).

Таким образом, в обеих версиях эксперимента присутствует *одинаковая* односторонняя корреляция между низкой степенью «угадывания» информантами авторской ВВГФ (в испанской версии – нулевого уровня этого «попадания» в авторский замысел) и неминимальным количеством комбинаций, предложенных для заполнения лакуны ВВГФ. Данный результат, как представляется, не выглядит неожиданным и может быть довольно легко объяснен: при наличии серьезных сомнений и колебаний по поводу ВВГФ, наиболее адекватной для заполнения лакуны в заданном контексте, повышается количество вариантов для ее заполнения. По-видимому, это вполне аналогичное поведение информантов – носителей двух разных языков, работавших с фрагментами текста на этих разных языках, имеет прямое отношение к неким когнитивным процессам и моделям поведения, характерным для человека, и никак не связано со спецификой двух различных языковых систем.

4. Заключение. В рамках представленного здесь этапа исследования решалось несколько задач. Одной из них являлось установление эквивалента понятию авторской формы в испанской версии эксперимента. Проведенный анализ (в том числе и на материале вспомогательного эксперимента с информантом – носителем русского (как первого) и испанского языков, направленного на выявление степени влияния оригинального испанского текста на принятие переводческого решения о выборе одной из предложенных в русской

версии ВВГФ), позволил в большинстве случаев решить поставленную задачу. Однако сохранение некоторого количества случаев неоднозначности выбора русской ВВГФ при наличии испанского оригинала нуждается, как представляется, в специальном осмыслении, поскольку можно предположить, что в случаях такого рода присутствуют некоторые системно обусловленные проблемы в подборе русского переводного эквивалента испанской ВВГФ. В частности, темпоральная конкуренция НСВ Наст и НСВ Прош для выражения одновременности при оформлении предиката придаточного предложения, относящегося к перцептивному глаголу в претеритальной форме; конкуренция НСВ в подчеркнуто длительном значении и значения охвата длительности (по терминологии Ю. С. Маслова, см. [3, с. 111]) у делимитатива СВ.

Основной задачей, однако, было проведение компаративного анализа статистических результатов эксперимента. Среди ре-

зультатов этого исследования можно назвать обнаружение в обеих версиях эксперимента *одинаковой* односторонней корреляции между низкой степенью «угадывания» информантами авторской ВВГФ (в испанской версии – нулевого уровня этого «попадания» в авторский замысел) и незначительным количеством комбинаций, предложенных для заполнения лакуны ВВГФ. Полученный результат объясняется следующим образом: при наличии серьезных сомнений и колебаний по поводу ВВГФ, наиболее адекватной для заполнения лакуны в заданном контексте, повышается количество вариантов для ее заполнения. Также высказывается предположение, что аналогичное поведение информантов – носителей двух разных языков, работавших с соответствующим языковым материалом, имеет отношение к неким когнитивным процессам и моделям поведения, характерным для человека, и никак не связано с лингвоспецификой двух различных языковых систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Напомним, что если в презентно-претеритальной зоне испанского глагола наличествуют 10 ВВГФ, то в соответствующей зоне русского языка в каноническом случае с прототипической видовой парой имеются три формы, а в расширенном варианте – с включением делимитатива и/или пердуратива и инцептива – четыре ВВГФ (делимитатив или пердуратив вместо (а не вместе) «обычного» СВ Прош с достижением предела). В рамках обсуждаемого эксперимента в его испанской части учитывались только претеритальные ВВГФ (с включением в них и Перфекта, как NONPROG.PRF., так и PROG.PRF.), таким образом, количество ВВГФ для выбора информантов было сокращено до восьми единиц.

** Здесь для краткости используется (сокращенное) наименование «комбинация» в расширенном относительно словарного толкования этого слова смысле, а именно с включением в комбинации и одиночных ВВГФ. По сути, то, что здесь называется комбинацией в оговоренном смысле, соответствует понятию «количество подмножеств множества из n элементов».

*** Напомним, что по условиям эксперимента информанты должны были указать одну или более чем одну адекватную, с их точки зрения в данном контексте ВВГФ, соответственно, появление комбинаций (т. е. предложенных наборов ВВГФ для заполнения лакуны в контексте) было «запрограммировано».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

NONPROG.AOR.
PROG.AOR.
NONPROG.PRF.
PROG.PRF.
NONPROG.PRES.

Непрогрессивный Аорист
Прогрессивный Аорист
Непрогрессивный Перфект
Прогрессивный Перфект
Непрогрессивный Презенс

Роль фатической функции в толерантном речевом общении

PROG.PRES.	Прогрессивный Презенс
NONPROG.IMP.F.	Непрогрессивный Имперфект
PROG.IMP.F.	Прогрессивный Имперфект
NONPROG.PLQPRF.	Непрогрессивный Плюсquamперфект
PROG.PLQPRF.	Прогрессивный Плюсquamперфект
СВ	Совершенный вид
НСВ	Несовершенный вид
Наст	Настоящее время
Прош	Прошедшее время

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбова Е. В. Контекст и системность при выборе видо-временной глагольной формы в испанском и русском языках (на материале эксперимента) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2009. Вып. 3 (в печати).
2. Горбова Е. В. Грамматическая категория аспекта и контекст: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2010.
3. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21–70.

REFERENCES

1. Gorbova E. V. Kontekst i sistemnost' pri vybore vidovremennoj glagol'noj formy v ispanskom i rusском jazykah (na materiale eksperimenta) // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2009. Vyp. 3 (v pechati).
2. Gorbova E. V. Grammaticheskaja kategorija aspekta i kontekst: Dis. ...dokt. filol. nauk. SPb, 2010.
3. Maslov Ju. S. Izbrannye trudy. Aspektologija. Obshee jazykoznanie. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. S. 21–70.